

ФРАНЦУЗСКИЕ ГУВЕРНЕРЫ В РОССИИ XVIII в.

Результаты международного исследовательского проекта «Французы в России»

Образ гувернера в русской литературе и историографии

В статье, опубликованной несколько лет назад, А.В. Чудинов поставил вопрос об образе французского гувернера, созданном русскими литераторами, и о соотношении этого образа с реальностью¹. Подобные же – отрицательные – отклики о гувернерах мы встретим и у мемуаристов этой эпохи. Даже признавая положительные качества некоторых преподавателей из французов в государственных учебных заведениях, авторы, как правило, добавляли и нелицеприятные характеристики, преуменьшавшие компетентность, образованность, таланты этих преподавателей, их моральные качества. А ведь безупречная нравственность еще больше, чем широкая образованность, считалась непременным качеством воспитателя в просветительской этике².

Одним из излюбленных приемов «снижения» образа иностранного гувернера было указание на его, никак не связанный с преподаванием, род занятий до приезда в Россию: у Н. Новикова шевалье де Мансонж (от *mensonge*, что значит «ложь») был прежде поваром и «волосоподвивателем»³. Если наличие таких преподавателей в России не вызывает сомнений, то относительно повсеместности этого явления некоторые сомнения все же есть.

Но, может быть, хотя бы мемуаристы отмечали других, более

---

* Владислав Станиславович Ржеуцкий, кандидат исторических наук, преподаватель университета Париж X.

¹ Чудинов А.В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность// Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004..

² Кулакова И. Тип француза-гувернера XVIII века в русской литературе// Literatūra. 2006. n°48. С. 8.

³ Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 482–483.

образованных и талантливых преподавателей? Однако и здесь мы видим схожую тенденцию. Так, упоминая преподавателей Кадетского корпуса и будущих известных историков Левека и Леклерка, С. Глинка, учившийся у них в Корпусе, добавляет, что они «передыкали своим слогом то, что передавали им ветхозаветные галломаны XVIII столетия». И уже совсем как приговор звучит следующее: «Ни Леклерк, ни Левек не заглядывали в русские летописи»⁴. Взгляд автора характерен для подобного рода сочинений: Глинка порицает французов за те нелицеприятные слова, которые они написали о России и ее правителях (например, об Екатерине II), **делая упор на некомпетентность авторов («не заглядывали в летописи»)**. В то же время он отмечает положительный отзыв Левека о русском народе, который делает историку «честь». Итак, критерием оценки служат высказывания этих иностранцев о русском обществе, которые льстят или нет национальной гордости русского человека.

Можно было бы привести немало подобных примеров и из других областей. Переводы, которые французы делали с русского в XVIII в. и в первой трети XIX в., подвергались нередко уничтожающей критике со стороны русских литераторов, утверждавших, что иностранец не мог передать всей силы и красоты русского слога, а то и просто по незнанию русского языка исковеркал русское произведение. Так было с переводом «Похвального слова» Петру Великому Ломоносова, сделанном секретарем И.И. Шувалова бароном де Чуди: А.П. Шувалов в отклике на смерть Ломоносова, написанном по-французски, то есть, без сомнения, в расчете на иностранного читателя, утверждал, что произведение русского поэта и ученого было обезображено иностранцем, который не знал ни слова по-русски и плохо писал на своем родном языке⁵. Произведение не было замечено французскими литераторами, за что Шувалов взваливает всю ответственность на переводчика. Однако тщательное сравнение оригинала и перевода позволяет утверждать, что переводчик постарался, сохранив содержание «Слова» и основные стилистические приемы автора, сделать его легким и приятным для восприятия французским читателем⁶.

А.В. Чудинов показал, как стереотип бездарного французского учителя перекочевал из художественной и мемуарной литературы

⁴ Глинка С. Записки // Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С. 74.

⁵ Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750–1765. М., 1936. С. 279.

⁶ Об этом уже писал в свое время Минцлов: *Minzloff R.* Pierre le Grand dans la littérature étrangère. Saint-Pétersbourg, 1872. С. 102-103. См. также: *Ржеуцкий В.С.* Барон де Чуди – переводчик Ломоносова. К истории перевода и переводчиков в России эпохи Просвещения // Ломоносов: Сб. статей и материалов. Вып. 10. СПб., 2011. С. 269–280.

в исторические исследования. Занятно, что в большинстве своем историки ссылаются на одни и те же источники. Так во многих исследованиях цитируют свидетельство секретаря французского посольства Ла Мессельера, который писал, что «у многих знатных господ живут беглецы, банкроты, развратники, и немало женщин такого же рода, которые, по здешнему пристрастию к французам, занимались воспитанием детей значительных лиц»⁷. Эта цитата в разных переложениях приводится во многих работах⁸. Сам факт, что слова принадлежат французскому автору, должен был доказывать неоспоримость утверждения: ведь не мог же француз клеветать на своих соотечественников! Часто историки просто ссылаются друг на друга, что вроде бы должно было добавить авторитетности их мнению. Однако нигде не дается критики самого источника, хотя изучение господствовавших в среде французских дипломатов того времени представлений, основанных на меркантилистских идеях, показало бы, что иную характеристику своим соотечественникам Ла Мессельер вряд ли мог бы дать. Для французских дипломатов все выходцы из Французского королевства, за исключением разве что купцов (которые способствуют своей деятельностью обогащению «исторической родины»), автоматически приписывались к категории *Français démeritants* – недостойных французов. Также ждет критического разбора и образ иностранца в художественной и мемуарной литературе того времени, тенденциозность которого нетрудно объяснить: это была эпоха развития национального самосознания в России, которое искало образ врага. Именно через оппозицию этому образу национальное самосознание и утверждалось. Так было не только в России, но и в ряде других европейских стран. «Культурная экспансия» Франции в век Просвещения становилась удобной мишенью.

В силу сильного крена в сторону мемуарных свидетельств в исследованиях об иностранных воспитателях в России и трудности критики нарративных источников необходим поиск материалов иного характера – просопографических данных о самих гувернерах, об их образовании, их деятельности, причем не только в сфере обучения и т.д.

Исследовательский проект, результатом которого стал биогра-

⁷ Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 4. Стб. 952–1031.

⁸ Вот лишь несколько примеров работ, в которых эта цитата приводится в подтверждение постулата о том, что французские гувернеры были сплошь беглецы, банкроты и мошенники: Кантерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 1909; Голубцова М.А. Московская школа Екатерининской эпохи // Москва в ее прошлом и настоящем. Ч. 8. М., 1911; Макогоненко Г.П., Серман И.З. Новиков // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Ч. 2. М., Л., 1947; Рассадин С. Фонвизин. М., 1980; Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.; СПб., 1998; Кулакова И. Указ. соч.

фический словарь «Французы в России века Просвещения», имел задачей сбор таких сведений, и губернеры стали одним из приоритетных направлений работы в рамках этого проекта⁹. Ниже представлены некоторые результаты этого исследования.

Я не буду ограничиваться только теми губернерами, которые занимались воспитанием в семьях: четко выраженных профессиональных групп тогда в этой профессии не было, нередко губернеры переходили из одной сферы в другую, из домашнего воспитания в частные пансионы и в государственные учебные заведения. И наоборот, преподаватели государственных учебных заведений нередко давали частные уроки или содержали частные пансионы. Собирая материал о губернерах, работавших в Академии художеств, пришлось убедиться, что многие из них пробывли там не больше года и ушли на вольные хлеба – губернером в семью¹⁰. И все же акцент будет сделан на губернерах, работавших «в домах»¹¹.

Число губернеров и их конфессиональная принадлежность

Насколько массовым было явление губернерства в России XVIII в.? В списке французоз в России, составленном французскими дипломатами в 1746 г.¹², мы найдем всего восемь губернеров-«москвичей», но, по сравнению с другими профессиями, преподавание в домах – едва ли не главная для французоз Москвы работа в те годы. При том, что список якобы включает только католиков, среди французских губернеров сплошь и рядом встречались протестанты, нередко уроженцы Фландрии, скорее всего, дети гугенотов. Встречалось и явление, известное в более позднее время, – совмещение профессий, когда, скажем, «тесемочник» одновременно был учителем языка.

В 1757 г., как известно, была введена обязательная аттестация губернеров при Академии наук или Московском университете. Обязательной она была только на словах. Швейцарский губернер в Москве Форнеро (Fornerod) рассказывает в переписке с неперменным секретарем Берлинской академии наук Формеем о своей встрече с попечите-

⁹ Les Français en Russie au siècle des Lumières / Sous dir. de A. Mezin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011, 2 vols. Сбор материалов о губернерах проводил в основном я сам. Помощь мне оказал ряд коллег, в частности, Александр Строев, Владимир Сомов, Владимир Берелович и Сергей Власов, которым я очень признателен. Чтобы не перегружать статью ссылками, в большинстве случаев информацию о французозах и других франкоязычных эмигрантах следует искать в указанном словаре, к которому я и отсылаю читателя.

¹⁰ См.: Ржеуцкий В.С. Французские губернеры в Академии Художеств. 1760–1770 годы // XVIII век как историко-культурный феномен (проблемы изучения). СПб., 2002. С. 65–74.

¹¹ О частных школах в России в XVIII в. см. Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe à l'époque des Lumières // Cahiers du Monde russe. 2005. 46/3, juillet-sept. P. 473–528.

¹² Archives Nationales (AN), Mar B-7355, Etat des Français catholiques romains en Russie en 1746.

лем Московского университета Мелиссино. Речь зашла об обязательном испытании гувернеров в университете, на что швейцарец ответил, что не думал, что ему придется подвергать себя такой процедуре. Мелиссино обратил все в шутку, заявив, что

вовсе не имел в виду, что такой человек как я (то есть сам Форнеро – *В.Р.*), сидя на экзаменационной скамье, должен предстать перед университетскими профессорами, как это проделывают с являющимися сюда ничтожными французскими авантюристами, что все это чистая формальность с целью получения сертификата, но что больше он не будет мне об этом говорить и, что, поскольку мне это было неприятно, в крайнем случае, я могу обойтись и без сертификата. Я думал точно так же, поскольку никто никогда мне не говорил ни о каких сертификатах, а половина бездарных гувернеров, которых мы здесь видим, не осмеливается или не хочет просить сертификат, но, тем не менее, продолжает работать¹³.

Поэтому по архивным документам можно дать только минимальную оценку численности гувернеров. Около 70 человек прошло аттестацию в Академии наук в первый год. Из них, вероятно, 32 человека, то есть около половины, были французами¹⁴. В Москве документы университетской комиссии сохранились только за некоторые годы, поэтому общей статистики невозможно составить¹⁵. Однако по тем годам, по которым у нас есть сведения, картина такова: с 1757 по 1770 г. упомянуты (судя по именам) 32 француза и 16 лиц других национальностей. Трудно сказать, следует ли из этого, что французских гувернеров в Москве было больше, чем гувернеров всех других национальностей, однако, зная, как росло французское землячество в Москве за эти годы¹⁶, тенденция не кажется удивительной.

По спискам французов, принесших присягу королевской власти в России 1793 г., в Петербурге проживало 786 взрослых подданных французского короля, из которых 97 были гувернерами (в их числе 12 женщин). Это первая по численности профессия среди французов. Кроме того, большинство французов, проживавших в провинции – около 650 человек на 1793 г. – занималось преподаванием в семьях¹⁷.

¹³ Письмо Форнеро Формею, от 12 февраля ст. ст. 1786 г. Staatsbibliothek zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, Nachlass Formey, Kasten K 16. Подробнее об этой встрече см. ниже статью А. Банделье и В. Ржеуцкого.

¹⁴ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 78, 80.

¹⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. к печати Н. А. Пенчко. 3 т. М., 1960–1963.

¹⁶ См.: *Ржеуцкий, В. С.* Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция, XVIII–XX века. Вып. 5. М., 2003. С. 30–55.

¹⁷ См. *Ростиславлев Д. А., Турилова С. Л.* Французы в России в 1793 г. // Cahiers du Monde russe. 1998. 39/3. Р. 300; *Ржеуцкий, В. С.* Источники по истории французских землячеств в России в собрании РНБ: списки французов Российской империи 1793 г. // Коллекции. Книги. Автографы: Сб. науч. трудов. Т. 3. СПб., 2003. С. 67–77.

В рамках проекта «Французы в России XVIII века» мне удалось собрать биографические сведения о чуть более чем 430 франкоязычных гувернерах, включая и тех, кто работал в частных пансионах. Как правило, речь идет о работавших в столицах. К ним нужно добавить многочисленных гувернеров в русской провинции, зафиксированных в списках присягавших 1793 г. Деятельность большинства этих гувернеров пришлась на вторую половину века.

В материалах аттестации 1757 г. можно отметить некоторое число уроженцев немецких земель с похожими на французские фамилиями, по-видимому, гугенотов или их потомков, а также уроженцев Эльзаса. Отличительная особенность их – владение двумя языками, французским и немецким, но немецкий часто оказывался невостребован. Кстати, почти все немецкие гувернеры сдавали экзамен на владение французским, что дает нам представление о доминирующем положении этого языка в сфере частного обучения.

Вопрос конфессиональной принадлежности гувернеров очень важен. Что побудило Строгановых нанимать трех гувернеров-протестантов? Можно подумать, что речь идет о конфессиональных причинах, ведь хорошо известно, что в России середины XVIII в. с большим недоверием относились к католикам, а отношение к протестантам было более нейтральным. В то же время семья Строгановых хорошо знала немецких ученых из Петербургской академии наук, имевших тесные связи с Берлинской академией, в частности через Формея и Эйлеров, поэтому немецкие ученые, жившие в Петербурге, нередко выступали посредниками между русской аристократией и Германией. Один из учителей у Строгановых, Жан (Jean), работал сначала гувернером в Берлине в семье Эйлеров, которые рекомендовали его Герхарду Фридриху Миллеру, члену Санкт-Петербургской академии наук, при деятельном участии которого Жан и попал в Россию. С гувернерами-католиками, кажется, это случалось реже, и многие оказывались в России более или менее случайно, некоторых нанимали русские аристократы во время своих путешествий по Европе, как это случилось с Филиппом Эрнандезом (Hernandez).

Профессиональные учителя или педагоги по случаю?

Считается, что гувернеры не были профессиональными воспитателями и учителями. В этом есть значительная доля правды. В 1757 г. из-за финансовых неурядиц была распущена французская театральная труппа в Петербурге, и ее директор распродал на аукционе театральные реквизиты. Актеры разъезжались, но многие, вероятно, предлагали

себя в качестве гувернеров. Так поступил и актер Рено (*Renaud*), объявив в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Сим объявляется публике, что господин Рено, только что прибывший французский комедиант, учит французскому языку молодежь, а кроме того пению и танцам, все по справедливой цене. Живет на Миллионной, в угловом доме около моста»¹⁸. Подобные примеры доказывают, что к профессии гувернера французы прибегали в нужде, ибо место учителя легко было найти и оно давало неплохой заработок.

Попробуем проследить жизненные пути гувернеров и понять, к какому сословию они принадлежали и какого культурного уровня они были, как именно попадали в Россию, нанимались «в дома» и строили отношения с работодателями.

Поскольку учебных заведений для подготовки преподавателей тогда просто не существовало, само утверждение, что среди гувернеров было мало профессиональных педагогов, звучит анахронично. Аттестационная комиссия проверяла, мог ли гувернер преподавать французскую грамматику или нет, нередко назывались предметы, которые он мог преподавать. Но в аттестате действительно почти никому не отказывали и старались не давать однозначно негативных характеристик. Так, в аттестации француза Луи Понте фраза «Хотя он совершенным учителем называться не может» была зачеркнута, вместо нее написано «Ежели кто доволен одной практикой французского языка, как то дети малолетние учатся оной более, нежели по регулам, то реченной Понте к такому делу употреблен быть может»¹⁹.

Если сравнить французов с немцами, прошедшими аттестацию в том же 1757 г., то последние оказывались более образованными. Среди французов, к примеру, не было таких эрудитов, как Яков Рутгер Альтман, обучавшийся в университетах Вены, Галле и Ростока юриспруденции, философии, истории, географии, латинскому, французскому и итальянскому языкам. Столь образованные гувернеры чаще попадали в семьи самых высокопоставленных лиц. Альтман преподавал в дома обер-прокурора Сената Александра Ивановича Глебова, близкого к Шуваловым и будущему Петру III²⁰. Некоторых французов аттестовали только к преподаванию языка, иногда – лишь его основам. Нередко работодатели подтверждали, что ничего другого, кроме языковой практики, они от гувернеров и не ожидают.

Немного цифр. Французов и немцев, аттестованных за первый

¹⁸ Gazette de Saint-Petersbourg. 1757. N° 57.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед.хр. 78 (1757 г.). Л. 9.

²⁰ Там же Л. 14.

год в Петербургской академии, было почти одинаковое количество. Из них 18 французов и 14 немцев могли обучать французскому языку *par principes*, то есть гувернер знал грамматику. 7 французов знали немецкий, 2 – итальянский, 5 – латынь; из немцев итальянскому могли учить 2 человека, и 10 знали латынь, один знал греческий язык. Географию могли преподавать 7 французов и 12 немцев, право и философию – только немцы (4), историю – 4 француз и 10 немцев, арифметику – 5 француз и 6 немцев. Что еще преподавали французы? Часто – хорошие манеры. Франсуа Сосерот (Socerot) из Лотарингии, нанятый родственниками Алексея Григорьевича Разумовского, готов был учить наукам и языкам, латинскому и французскому, в том числе «настоящему произношению, вкусу, духу языка, его чистоте и тонкости».

Однако среди французских гувернеров нередко встречались и люди хорошо образованные. В том же 1757 г. в комиссию обратился Мог Дезессар (Maugues Desessart), утверждавший, что изучал гражданское и каноническое право в Канском университете в Нормандии. Дезессар обратился к академикам с высокопарным письмом, в котором угадывается талант писателя²¹. Неудивительно, что он не остался без работы и почти сразу попал воспитателем в семью Кирилла Разумовского, президента Академии наук и гетмана Малороссии.

Некоторые из гувернеров внесли заметный, хотя и не всегда сугубо педагогический, вклад в культуру российского общества. Тот же Дезессар оставил пару произведений, написанных не без таланта в защиту России и ее монархов. Филипп Эрнандез, приехав в Россию в конце Елизаветинского царствования, работал гувернером в семье князя Алексея Сергеевича Голицына, затем – у Долгоруких, а в дальнейшем издавал *Journal des sciences et des arts*, посвященный образованию благородного юношества России, живо интересовался русской историей, собрал в России большую библиотеку и коллекцию рукописей, которые увез на родину. Благодаря ему во Франции появилось много книг о России, повлиявших на развитие исследований по российской истории, в частности – на труды Леклерка²².

Форнеро написал о России злое, но небезынтересное сочинение, которое можно сопоставить с известными записками Массона. Жан Батист де Резимон (Résimont), послужив гувернером у графа Ухтомского, а затем у Саблуковых и у Дурново, стал затем видным

²¹ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед.хр. 78 (1757 г.). Л. 44.

²² См.: *Rjéoutski V. Aux sources de l'histoire russe dans la France des Lumières: Philippe Hernandez et sa bibliothèque // Slavica Occitania. 2009. N 28 Naissance de l'historiographie russe. P. 261–294.*

инженером, генерал-майором Корпуса инженеров путей сообщения. Среди гувернеров были и настоящие филологи, среди которых следует упомянуть Лаваля (Laval)²³, Шарпантье (Charpentier), работавшего в Академии наук и создавшего, пользуясь материалами другого гувернера, Мариньяна (Marignan), русскую грамматику, которая выдержала несколько переизданий в России. Нельзя не упомянуть и Модрю дю Бокажа (Maudru du Bocage), автора многочисленных сочинений по обучению чтению и интересной грамматики русского языка, напечатанной в Париже²⁴. Некоторые оставили после себя педагогические сочинения, как граф де Пенге (Pinguet), член римской Академии Аркадии (*Accademia dell'Arcadia*) – литературного объединения, известного с конца XVII в.²⁵ Известные преподаватели государственных учебных заведений, а также учителя в царской семье, начинали свою карьеру зачастую как гувернеры в семьях русской аристократии. Среди них надо упомянуть швейцарцев Массона и Лагарпа, оставивших несколько педагогических и дидактических сочинений. В этот список можно включить и всех гувернеров из круга Ж. Ромма – людей талантливых, высокообразованных, интересовавшихся многими науками.

Влиянии этих гувернеров на их учеников еще далеко не выяснено. Граф А.П. Шувалов, учившийся у профессора Петербургской академии наук Леруа (Leroi, Le Roy), который увлекался стихосложением, стал, как известно, видным поэтом, перу которого принадлежат несколько стихотворных произведений, замеченных Вольтером, Ж.-Ф. Лагарпом и Дора²⁶. Гувернер Бигот де Морог (Bigot de Morogues), видимо из семьи гугенотов, поселившейся в Берлине, подчеркивал в своем неопубликованном дневнике свое неверие в Бога и свой яростный антиклерикализм и, возможно, повлиял в определенном направлении на умственное

²³ О нем см. статью С. Власова в настоящем издании.

²⁴ *Eléments généraux de la grammaire ou principe généraux de la langue russe appliqués à la langue russe* par Jean-Baptiste Maudru. Paris, chez l'auteur, an X (1802). 2 vols. См. обо всех этих гувернерах биографические статьи в: *Les Français en Russie au siècle des Lumières*. Т. 2.

²⁵ Об этой академии см.: *Graziosi M.T., Tellini Santoni B. Tre secoli di storia dell'Arcadia*, Roma, 1991. Пенге продавал в 1770 г. в Москве свою книгу «Рассуждение о воспитании, нарочно сочиненное для Российского юношества» (*Raonnement sur l'éducation composée exprès à l'intention de la jeunesse russe*), которую пока не удалось обнаружить. – См.: Московские ведомости. 1770. № 77, 80, 86, 101. Он одно время преподавал в гимназии Московского университета. – См.: *Документы и материалы по истории Московского университета*. С. 254, 257, 330.

²⁶ О Шувалове и его отношениях с французскими литераторами см.: *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М., 2010. С. 82–102.

и духовное формирование своих учеников²⁷. Юный кн. Б.В. Голицын в 11 лет начал писать жизнеописание Катона, во вступлении к которому он предлагал читателю искать истинные добродетели не у самых цивилизованных народов и еще менее в государствах, управляемых монархами, но в республиках, таких как Швейцария или Голландия. А гувернером у Голицыных был выходец именно из Швейцарии²⁸. Вообще роль швейцарских гувернеров в распространении либеральных идей в среде русского дворянства еще до конца не выяснена, хотя примеры Лагарпа, Массона или Форнеро не кажутся случайными. В то же время в оценке этого влияния необходимо быть осторожным: выводы, которые некоторые историки сделали из того факта, что графа Павла Строганова воспитывал будущий деятель Французской революции Жильбер Ромм на поверку оказались ни на чем не основанными²⁹.

Изначальные профессии гувернеров необходимо принимать во внимание для оценки их культурного капитала и их педагогической деятельности. Как было сказано, один из устойчивых штампов – это малообразованный гувернер: повар, парикмахер, а то и беглый каторжник. Это мнение было распространено не только среди русской аристократии, став одной из причин принятия указа 1757 г. об аттестации гувернеров и содержателей пансионеров; оно было почти общепринятым и среди самих гувернеров. А какова была реальность?

Исчерпывающе точных сведений на сей счет у нас нет, но все-таки какие-то выводы можно сделать. Из 430 гувернеров, информация о которых у нас имеется, только у 88 человек указана другая профессия, помимо профессии гувернера. Одно это говорит о том, что многие гувернеры хотя и не были профессионалами в современном смысле слова, но зарабатывали себе на жизнь на протяжении многих лет только преподаванием. Более того, нам известны даже учительские династии, например, династия Дельсалеи, хотя это и редкое явление. Для многих учительская профессия была способом удержаться на плаву в поисках другого, более выгодного средства существования. Чаще всего, при перемене профессии гувернеры становились коммерсантами (11 случаев). Из тех, у кого обнаружилась другая, как правило, предшествующая профессия, самую большую группу составляли бывшие военные (21 человек), затем – священнослужители (16). Все остальные группы незначительны: среди них есть и парикмахеры, и музыканты, и

---

²⁷ Он был гувернером в Польше и в России. О России речь идет в следующих частях: BNF. Mss. NAF. N° 11352, 11353.

²⁸ Гречаная Е.П. Указ. соч. С. 250.

²⁹ Подробнее см.: *Ржеуцкий В.С., Чудинов А.В.* Русские «участники» Французской революции // ФЕ 2010. М., 2010.

торговцы лентами, и продавцы книг, и представители «интеллектуальных» профессий.

Военные были чаще в офицерских чинах, зачастую дворяне, их уровень образования и культуры был, вероятно, более чем достаточен для обучения языку и основам некоторых наук. Нередко сам слог их писем выдает людей образованных. Захари Пиже де ля Ривьер пишет о себе в третьем лице членам комиссии:

Узнав, что все иностранцы, занимающиеся этой профессией, должны пройти экзамен на предмет их способностей, он имеет честь представиться вам, господа, с тем, чтобы выдержать означенные экзамены, он преподает сему молодому князю чтение, разговор по-французски, приятные французские манеры, он достаточно сведущ в практической географии для того, чтобы быть способным преподавать ее, так же как и некоторые науки, которые он не практикует, как, например, манеру умело стрелять из пушки, в особенности не используя ни фитиль, ни огонь, – этот талант привел его в эту империю³⁰.

Если военных было немало в разное время, то клирики появляются, прежде всего, во время Французской революции. Хотя и не все: аббат Жакессон (Jacquesson) был гувернером у Строгановых до 1784 г.³¹ Священнослужители были гувернерами почти всегда в семьях высокопоставленных особ: аббат Дюрон (Duron) у Дмитриевых-Мамоновых, возможно, у графа Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова, бывшего фаворита Екатерины II; аббат Мангин (Manguine) был гувернером Сергея Уварова, будущего министра народного образования и президента Академии наук, аббат Балтюз (Baltus) – у Нарышкиных и Бутурлиных, аббат Брис (Brice) – у Самойловых.

Из 430 гувернеров, занятых в частном образовании, о которых можно найти сведения в словаре «Французы в России века Просвещения», большинство были мужчины, женщин оказалось всего 70 человек. Гувернантки чаще были не замужем, да и гувернеры тоже были, как правило, холостяками, что не вызывает удивления, ведь сочетать работу гувернера с семейной жизнью было трудно, да и работодатели часто искали гувернеров-холостяков. Когда Пьер-Иньяс Жам (James), гувернер в семье Алексея Разумовского, женился на Елизабете Матис (Mathis), тоже гувернантке, Разумовский заявил ему о несовместимости его нового положения с обязанностями гувернера³². А гувернер Оливье (Olivier) в семье Голицыных был принужден на протяжении многих лет жить отдельно от своей жены, так как сопровождал молодых

³⁰ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 78 (1757 г.). Л. 2.

³¹ РНБ, ОР. Разнояз. F-II, 27/1. Л^о 249–250.

³² См.: Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003.

князей во время их учебы в Страсбурге, затем во время их путешествий по Италии и Франции, в то время как его жена была гувернанткой княжон в той же семье, но оставалась в России, либо в Лондоне³³.

Гувернеры, их работодатели и идеал дворянского воспитания

Энциклопедия Дидро и д'Аламбера различает два типа домашнего учителя: *précepteur* – человек, дающий знания наук и литературы, и *gouverneur* – воспитатель, прививающий ребенку необходимые для его сословия нравственные качества и как учитель формирующий его ум³⁴. Эту разницу мы наблюдаем и в тех немногих педагогических кресто, которые оставили нам сами гувернеры и их наниматели.

Проработав некоторое время у князя Долгорукого, Дезессар получил следующий аттестат:

Я, нижеподписавшийся, свидетельствую, что [Госпо]д[и]н шевалье де Зессар жил у меня при князе моем сыне в качестве учителя, поступал как должно честному ч[е]л[о]в[е]ку, которому поручено старание о воспитании благородного юношества и в должностях своих оказал себя к моему удовольствию исправным и так не имея ни малой причины быть им недовольным, дал я ему сие свидетелство, чтоб могло ему служить в потребном случае за подписанием руки и приложением герба моего печати. Дан в Подмоклом 13 июня 1761 года. На подлинном подписано Князь Николай Долгорукой³⁵.

Сам документ – интересная деталь из жизни гувернера той эпохи. В тексте речь о компетентности учителя, собственно говоря, и не идет, если не считать сухого «оказал себя исправным». Зато сказано, что он поступал как должно честному человеку, занимающемуся обучением благородного юношества. Категория «честного человека» (калька с фр. *honnête homme*) и понятие о «воспитании благородного юношества» были для князя вещами ясными, не требовавшими определения. Эти категории русское дворянство уже хорошо усвоило ко времени Екатерины II.

Спустя некоторое время Дезессар поступил на работу к бригадиру Ивану Михайловичу Игнатьеву, с которым заключил контракт:

[л. 12] Договор с тем, у котораво я нанялся у Господина Бригадира Ивана Михайловича Игнатьева быть учителем.

Учить мне двух ево сыновей французскому языку, писать, Орфо-

³³ См.: *Ржеуцкий В.С., Чудинов А.В.* Русские «участники» Французской революции.

³⁴ Encyclopédie. 1765. Vol. 13. См.: *Julia D.* L'enfance entre absolutisme et Lumières (1650–1800) // *Histoire de l'enfance en Occident*. Т. 2. П., 1998. Р. 72. О гувернере в германских странах см.: *Fertig L.* Die Hofmeister. Ein Beitrag zur Geschichte des Lehrerstandes und der Bürgerintelligenz. Stuttgart, 1979.

³⁵ АВПРИ. Ф. 7 (Московская Контора Коллегии иностранных дел). Оп. 7/3. Ед. кр. 127. Л. 11.

графии, Истории Светой, Еографии, и разговорам, и штилю писменному. Больше я стану смотреть их ученья и сакратать их серцо и дать смиренство. Я их стану учить так как должно быть дворенину, на конец я сделаю то, что должно сделать человеку для учения дворенина. В доме тех покоев, где мне жить было б вымото и вытоплено и свечи даваны были, в посные дни есть мне в моей горницы суп и жареное, и платья муть на меня. Я буду получать по договору двести двадцать рублей, которые будут платить по третям на перевод, каждую неделю, вотки [л. 12 об.] слаткой бутылку, поль иви на день 2 бутылки. В дни празднишныя, три раза в неделю выезжать зимой сани две лошади, а летом коляску. Я буду иметь также человека для моего услужения, и позволено было иметь учеников. Я буду жить со всякой учтивостю у господина Бригадира и обещаюся для господ детей иметь всякое прилежание всякой политики, что должно для чеснова человека и ученика, но конец я им стану давать наставления которое надлежит для чеснова дворянина. Зделан в Москве 12 февраля 1765 года я подписуюсь Ше[валье] де Зессар³⁶.

За списком дисциплин идет довольно туманное рассуждение о том, «как должно быть дворенину», что «должно сделать человеку для учения дворенина». Заканчивается контракт опять же поминанием «наставления которое надлежит для чеснова дворенина». Думается, что гувернер не случайно трижды пишет об одном и том же. Он представлял, вероятно, что названия учебных предметов и их неперемнная необходимость были для его работодателей пока вещами мало ясными, но было желание дать своему отпрыску все, что потребно для «чеснова дворянина». В соответствии с убеждениями, которые шевалье выразил в своих произведениях³⁷, он отдавал приоритет тому, что «должно для чеснова человека», а уже затем – для «чеснова дворянина».

Дезессар писал о добродетели, в которой должно быть воспитано *сердце* ученика, и о полезных знаниях, необходимых «честному, приятному человеку и доброму гражданину» (*l'honneste homme, l'homme aimable et le bon citoyen*). В этих понятиях выражен идеал дворянского воспитания. Согласно словарю Французской академии (1694), *honnête homme* – приятный человек, соединяющий в себе качества, необходимые для жизни в обществе. В представлении людей XVIII в. это – человек, заботящийся об общем благе, сведущий, пусть и поверхностно, в разных областях знания.

Образованные гувернеры чаще всего попадали в семьи аристократии, в то время как малообразованные оседали в семьях среднего и мелкого дворянства, в том числе провинциального. Различия в оплате

³⁶ Перевод XVIII в. АВПРИ. Ф. 7. Оп. 7/3. Ед. хр. 127. Л. 12–12об.

³⁷ В том числе в опубликованной им книге *Le livre à la mode ou le Philosophe rêveur. Ouvrage dans lequel on trouve plusieurs particularités singulières et intéressantes pour tous les états de la vie. Par le chevalier des Essarts. Amsterdam, 1770; Ibid. Moscou, 1770.*

между ними были весьма существенны, хотя талантливых гувернеров и не всегда отличали по заслугам. Именно людям высокообразованным поручали ответственную миссию сопровождения учеников в заграничные путешествия, и поиск таких гувернеров был «головной болью» многих семей русской аристократии. В таких случаях гувернер нередко переставал быть просто учителем, а становился организатором всего процесса обучения своего подопечного, выполняя функции компаньона, наставника, интенданта и информатора, сообщавшего семье все, что касается их сына. Нередко такие гувернеры оставались в семье надолго, даже когда дети вырастали и обзаводились собственными семьями. Известны случаи, когда гувернеры попадали в разряд домашних людей, как это было, например, с Луи Пикаром (Picart), воспитателем князя Александра Борисовича Куракина, будущего вице-канцлера и члена Российской академии. Пикар известен благодаря его корреспонденции с князем, где он описал петербургское общество 1780-х гг.³⁸

Работодателями гувернеров почти всегда были дворянские семьи, иногда из числа аристократии, но изредка встречались среди них и купеческие семьи, чаще не русского, а иностранного происхождения. Порой отношения между гувернерами и их работодателями принимали характер протекции. Один из наиболее интересных примеров дает нам семья Дельсаль. Ее члены служили у Шереметевых, вероятно, гувернерами. Шереметевы, в свою очередь, оказывали им покровительство разными способами: становились восприемниками детей Дельсальей, что было возможно в то время, хотя речь и шла о детях католиков, а восприемники были православными – вероятно, для аристократии делались некоторые исключения. В 1793 г., когда по отношению к французам в России применялись жесткие меры, Василий Сергеевич Шереметев взял к себе на службу одного из Дельсальей и способствовал в дальнейшем его продвижению по служебной лестнице.

Известно немало примеров учтивого и даже заботливого обхождения с гувернерами в домах высшей аристократии. Несколько зафиксированных мною случаев острых конфликтов домашних учителей с работодателями имело место в семьях среднего и мелкого дворянства. Таков был конфликт Дезессара с бригадиром Игнатьевым, вынудивший гувернера даже обратиться в полицию. Таков же был конфликт графа де Пенге с неким Грегоровым, у которого он служил учителем. В первом случае работодатель пытался насильно оставить гувернера в своем доме, а во втором, напротив, изгнал из дома, не отдав ему его

---

³⁸ Русская старина, 1870. Т. 1. С. 128–152.

вещи. Пенге, о котором уже упоминалось, хорошо сознавал, вероятно, свои права. Пройдя аттестацию в Московском университете, он обратился туда же за защитой, и университет действительно вступился за него и подал жалобу губернатору Москвы, который приказал вернуть графу его вещи.

О незавидном положении гувернеров во многих дворянских семьях было хорошо известно. Барон де Чуди, секретарь Ивана Шувалова, даже посвятил этому вопросу заметку в своем журнале «Литературный Хамелеон», где указал на некоторые особенности работы гувернеров во многих русских семьях. По его мнению, отец ученика часто

смотрит на гувернера как на слугу, в лучшем случае считает его первым из своих людей. Раз он ставит его не выше, чем своего лакея, разве может он требовать, чтобы дети больше уважали его? Вознаграждение или, по выражению, принятому в некоторых семьях, содержание гувернера настолько незначительно, что в столь стесненном положении трудно сохранить усердие в исполнении своих обязанностей. Из боязни, что жалование не будет достаточно заслуженно, от учителя нередко требуют преподавания всех наук, и сверх того физического труда. Одним словом, гувернер, который был бы одновременно парикмахером, метрдотелем, поваром, настоящая находка для некоторых людей. Можно ли жаловаться на неуспех воспитания ученика, если с тем, на кого оно возложено, обращаются так неуважительно?³⁹

Ф. Вигель вспоминает, что слово «учитель» было для него близким слову «дядька-холоп», который был вечным соперником «мусье»⁴⁰. Перенимая эстафету у холопа-дядьки или няни, в задачу которых входило дать барчуку элементарные познания, гувернер во многих семьях низводился до роли прислуги. Слуга же в сознании русского дворянина находился на другом конце социальной лестницы, и гувернер терял тем самым многие качества, которые дворянство признавало за равными себе. Можно предположить, что число семей, понимавших ценность воспитания и важность подбора достойного гувернера, росло со временем. Во всяком случае, к концу века мы видим значительное число высокообразованных гувернеров в русских семьях, хотя многие из них были занесены в Россию вихрем Французской революции.

По обычаям того времени чаще всего гувернер жил в доме той семьи, которая его нанимала. Тем самым в распределение французско-гувернеров (но также и поваров, парикмахеров и т.д.) по городским кварталам вносился элемент принуждения. Гувернеры обязаны были

³⁹ Le Caméléon littéraire. P. 106–107.

⁴⁰ Миллер К. Французская эмиграция в России в царствование императрицы Екатерины II. Париж, 1931. С. 275.

следовать за своими работодателями, куда бы те ни ехали. Бывали случаи заграничных путешествий, но чаще семьи выезжали на лето в свои поместья. Это условие находило отражение в договоре с гувернером. Вот, например, что писалось в контракте о найме к сыну Анны Петровны Нелединской француза Де Пексона (De Pexonne): «Мне же следовать по деревням и жить безспорно, сколько изволит ея превосходительство»⁴¹. Та же проблема встала перед французским вице-консулом в Москве Пьером Мартеном (Martin). Помимо дипломатических обязанностей, за выполнение которых он весьма долго не получал жалованья, Мартен служил гувернером детей в семье князей Черкасских, обычно покидавших Москву на лето. Дилемма, вставшая перед вице-консулом, была не из легких: отказаться либо от одной, либо от другой работы. Только хорошие отношения княгини с французским послом в Петербурге позволили разрешить эту проблему.

Таким образом, на летнее время этот профессиональный слой был чаще всего исключен из жизни землячества. Это не могло не вести и к потере контактов с соотечественниками – фактор, благоприятствующий ассимиляции. Но специфика работы французского гувернера, вероятно, замедляла процесс ассимиляции. Гувернеры могли преподавать разные дисциплины, но главным, за что их ценили и ради чего их нанимали, был, конечно, французский язык. Утрата национальной самоидентификации и обретение новой обычно происходят не ранее второго поколения, а учительство в те годы редко передавалось «по наследству». Впрочем, известный нам пример одной такой династии – рода Дельсалея – показывает, что профессия учителя французского языка способствовала сохранению национальной идентичности. Такой вывод следует из сравнения истории двух ветвей этого рода, пошедшей по военной части петербургской ветви и ветви московской, занимавшейся преподаванием французского языка.

Большое турне

Одним из важнейших этапов воспитания в семьях аристократии было заграничное путешествие, как правило, с длительным пребыванием в одном из университетских городов. Среди таковых особенно ценились Женева, как считалось, выигрывавшая по сравнению с Парижем и тем, что в ней имелось меньше соблазнов и было легче наблюдать за моральной стороной воспитания молодого человека; и тем, что это был протестантский город. То же можно сказать и про Страсбург,

---

⁴¹ Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 4–5.

хотя он и вызывал иногда нарекания у родителей молодых русских аристократов из-за слишком буйной молодежи. Позже пользовались популярностью некоторые голландские и немецкие университеты, например, Лейдена, Лейпцига или Геттингена⁴².

Отпрыски высокопоставленных семей путешествовали в сопровождении гувернеров, живших с ними и во время их учебы в западноевропейском университете. Такие путешествия известны уже в середине XVIII в.: например, с бароном А.С. Строгановым приехал в Женеву гувернер Антуан (Antoine)⁴³. В 1763 г. некий Ферлен (Ferlin) отправился в заграничное путешествие с сыном московской княгини Щербатовой, но ученик и гувернер вскоре пропали из виду, так что по прошествии трех лет княгиня передала вещи гувернера московским капуцинам⁴⁴. Обязанности этих гувернеров можно представить на примере уже упоминавшегося Мишеля Оливье, служившего у Голицыных.

Князя Голицыны отправились из Кронштадта 19 июня 1782 г. в сопровождении гувернера и двух слуг. Старшему брату, Борису, было 13 лет, младшему, Дмитрию, на 2 года меньше.

Борис тяжело переносил расставание с матерью. Хотя его послания к родителям облечены в изящную и несколько условную форму, в них чувствуется и горечь разлуки: «Только удовольствие от чтения может порадовать мое грустное сердце и заставляет забыть на мгновение час нашего расставания»⁴⁵, – пишет он матери. Дмитрий, несмотря на свой юный возраст, тоже уже владел всеми штампами, приличествующими переписке по-французски⁴⁶. Во всем чувствуется руководящая рука гувернера; в письме Оливье замечает, что князь Борис мало пишет матери, потому что больше любит писать рассказы и еще плохо владеет эпистолярным стилем.

Две недели спустя все вместе уже прогуливались по аллеям королевского сада в Копенгагене. Господин Кастилинский, секретарь русской миссии, сводил их в Исторический кабинет и во Дворец. Затем их путь лежал в Гамбург, куда Голицыны поехали с сыном обер-штальмейстера Нарышкина.

На борту корабля произошел скандал. Князь Вяземский и некий Меллер, молодые люди, оказавшиеся на этом корабле, завлекли

⁴² См.: Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

⁴³ См. статью С. Кузнецова в настоящем издании.

⁴⁴ ОР РНБ. Разн. Ф-П. 27/2. Л. 241.

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 64 (Вяземы). Карг. 105. Ед. хр. 82. Пер. с фр.

⁴⁶ Je suis très respectueusement, ma chère maman, votre humble très obéissant et très soumis fils Mitri Galitzin.

князя Бориса в свою кампанию и

держали речи самые неприличные и самые гнусные, какие только можно себе представить, и князь Вяземский в особенности дал ему [князю Борису] написанный от руки стихами по-русски пасквиль некоего Баркова⁴⁷, это, возможно, самое развратное и отвратительное писание в мире.

Но князь Борис был спасен от развращения своевременным вмешательством гувернера, да и само французское воспитание уберегло молодого человека от скверны, поскольку, плохо владея русским языком, он не успел дочитать легкомысленные стишки!

Из Гамбурга, в конце июля, они поехали во Франкфурт, где ужинали с Федором Ивановичем Гроссом, русским посланником в этом вольном городе. Оттуда они переехали в ГанOVER, где дождь удерживал их в течение десяти дней. В конце августа они достигли цели своего путешествия — Страсбурга. Их жилье уже приготовлено господином Кохом. Речь идет без сомнения о Кристофе-Гийоме Кохе, профессоре Страсбургского университета, ученике Жана-Даниеля Шепфлина и будущем ректоре университета. Кох принимал в Страсбурге многих представителей европейской аристократии, которых привлекал высокий уровень учебных заведений, в частности известной дипломатической школы. Его учеником в Страсбурге будет граф Клеменс фон Меттерних, один из наиболее важных политических деятелей в посленаполеоновской Европе⁴⁸.

Выбор города, конечно, не случаен. Сыграла роль и растущая популярность Страсбурга и его университета, где обучались многие русские (не менее 200 студентов из Российской империи за вторую половину XVIII в., большинство из которых из прибалтийских провинций) и где русская колония была значительной⁴⁹, и тот факт, что это скорее протестантская земля, чем католическая. Здесь учились сыновья Кирилла Разумовского, который и сам окончил Страсбургский университет в свое время⁵⁰, племянник канцлера России Михаила Воронцова, сын генерал-фельдмаршала Ивана Чернышева⁵¹.

⁴⁷ Речь идет о фривольном поэте Иване Семеновиче Баркове (1732–1768).

⁴⁸ О связях Страсбурга и России см.: *Rjéoutski V. Strasbourg – la Russie : histoire d'une émigration (XVIIIe – début du XIXe ss.) // L'Alsace et la Russie, actes du colloque à l'université de Strasbourg. Revue russe.*

⁴⁹ Это обстоятельство учитывалось, сам термин был в ходу. Ср.: *Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // Cahiers du Monde russe. 1993. N° 34(1–2). P. 197.*

⁵⁰ РБС. Т. Прутвиц-Рейс. С. 453.

⁵¹ См. также: *Voss J. Les étudiants de l'Empire russe à l'université de Strasbourg au XVIIIe siècle // Deutsche-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert : Kultur, Wissenschaften und Diplomatie. Wiesbaden, 1997. S. 351–371.*

И у молодых князей Голицыных, и у гувернера, и даже у слуг было по комнате. Слугам Оливье тоже уделял место в письмах: он относился к ним со всем возможным участием, чем подавал хороший пример молодым князьям. Первое время князья вели бурную светскую жизнь. Они были представлены графу Северному, то есть великому князю Павлу Петровичу, путешествовавшему с супругой по Европе. Наследник осматривал достопримечательности города, арсенал, мавзолей маршала Саксонского и т.д. Молодые князья всюду следовали за ним. Они сопровождали наследника и в тот день, когда маркиз де ля Салль производил учения артиллерийского корпуса. Оливье с энтузиазмом рассказывал княгине, как стреляли пушки, как кидались бомбы, как для наследника открыли траншею и как офицер за руку провел князя Бориса, показав ему, как можно брать штурмом город. Гувернер видел в этой экскурсии возможность поучиться военному делу, ведь именно для этого прежде всего князья и приехали в Страсбург. С интересом гувернер сообщал и о посещении ими «защиты диссертации русским с Украины, написанной на латинском языке в университете, с чем он справился с честью и славой; он уже несколько лет весьма успешно изучает здесь медицину, профессора его очень хвалят, а зовут его Александр Шумлянский»⁵². Зато с большой неохотой Оливье водил князей смотреть на наездников, выполнявших фигуры на лошадях, ибо не видел пользы для образования от такой прогулки⁵³.

Воспитание русского аристократа

Вскоре князья занялись учебой. Оливье подыскал им учителей по немецкому и английскому языку, письму на двух языках (вероятно, тех же), музыке, латинскому, математике, фехтованию. Каждый преподаватель должен был давать им пять уроков в неделю, а тот из князей, у кого оставалось свободное время, должен был изучать с Оливье историю, грамматику, мифологию, географию, чтение и арифметику! Преподаватели математики и латинского были профессорами университета. Латынь князь Борис уже учил в Петербурге с немцем Циммерманом, но в Страсбурге дело пошло лучше, потому что латинский язык здесь учили через переводы с французского, а языки эти немного похожи, замечает Оливье⁵⁴. Гувернер был счастлив, что и три урока танцев в неделю были приняты князьями с удовольствием,

⁵² Александр Михайлович Шумлянский (1748-1795), позднее – профессор медицины в России.

⁵³ ОР РГБ. Ф. 64 (Вяземы). Карт. 105. Ед. хр. 82. Л. 29-30. Пер. с фр.

⁵⁴ Там же. Ед. хр. 83. Л. 106.

хотя, вспоминал Оливье, в Петербурге им эти экзерциции доставляли немало неприятностей. В 1783 г. к этому добавились уроки скрипки для князя Бориса⁵⁵.

Круг знакомых был намеренно сведен Оливье к минимуму, чтобы не отвлекать князей от занятий: они посещали дом маркиза де ля Салля, где всегда было очень много приглашенных, 140–150 человек, почти исключительно военные⁵⁶, и дом Кристофа-Гийома Коха, да и то потому только, что последний предложил давать князьям раз в неделю уроки истории.

Все было принесено в жертву занятиям. Бориса Оливье лишил развлекательного чтения и поэтических занятий, которым тот предавался с жаром: «Все, что касается поэзии, пьянит его до такой степени, что, если бы я позволил ему отдаться его наклонности, его успехи в различных науках, которыми он занимается, пострадали бы от этого»⁵⁷. Молодой князь перестал по требованию Оливье писать жизнь Катона и свои «размышления», что отнимало у него много времени и отвлекало от учебы⁵⁸. Гувернер отчитывался перед княгиней: «Все часы расписаны так, что во весь день нет ни одного свободного часа; только один час уходит на прогулку, и мы все втроем наслаждаемся ею с одинаковым удовольствием»⁵⁹. Едва ли не единственным развлечением князей был театр: два раза в месяц они ходили «в комедию».

Свой план воспитания Оливье изложил княгине в одном из своих писем. Когда князь Борис справится со всеми упражнениями и голова его будет «вооружена» нужными принципами, он сможет действовать с их помощью, писать и читать, поскольку его разум будет просвещен чтением хороших авторов (латинских, немецких, английских, французских), знанием математики, которое придаст ему чувство порядка и точности. Кажется, князья прониклись этой жаждой знаний и поиском «правильных принципов», которыми был обуреваем их гувернер, и со смирением принимали все тяжести учебы.

Однако «система» Оливье вызывала споры и критику. Так, Кох, Штакельберги и их гувернеры сходились во мнении, что молодому аристократу пристало часто ходить в театр, на балы, а не сидеть все время затворником за уроками. Репутация Оливье была, кажется, известна многим. Как сам он пишет, жалуясь, в письме Наталье Петровне Голицыной, посол России при венском дворе князь Дмитрий

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 64 (Вяземы). Карт. 105. Ед. хр. 83. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Л. 2.

⁵⁷ Там же. Ед. хр. 83. Л. 3об.:

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 82. Л. 32.

⁵⁹ Там же. Л. 21об. Пер. с фр.

Михайлович Голицын, известный своей широкой образованностью, родственник его подопечных, отзывался о нем как о человеке жестком, неуступчивом и говорил, что ученики Оливье, обязанные учиться с утра до вечера без прогулок, без спектаклей, без приличного развлечения, были глубоко несчастны⁶⁰.

Подобное отношение к светским развлечениям мы находим у многих гувернеров, что связано, возможно, с их невысоким социальным происхождением и соответствовавшими ему демократическими убеждениями и педагогическим кредо, в котором большую роль играли знания, причем прежде всего точные науки, а занятия литературой, танцами, светские развлечения хотя и не исчезали совсем – ведь существовал стандарт воспитания «благородного юношества», который приходилось соблюдать, – но отходили на второй план⁶¹. В каком-то смысле эти идеи близки направлению немецкого Просвещения, в котором французской модели воспитания, основанной на понятиях вежливости, учтивости, была противопоставлена немецкая модель, выраженная в понятиях *Bildung* и *Kultur*⁶². На многих гувернеров влияние оказали идеи Руссо, который был противником французской придворной модели воспитания.

Вероятно, поддавшись давлению и желая показать свою гибкость, Оливье вскоре отвел князя Бориса на бал⁶³. Выходы в театр тоже участились: князя видели несколько пьес Мольера и смеялись так, что гувернер опасался, как бы у них от смеха не лопнули сосуды⁶⁴. Голицыны провели в Страсбурге около шести лет.

Домашнее образование, общество и государство

Частное образование в разных своих формах еще с елизаветинских времен вызывало нарекания со стороны правительства. Да и сама ситуация, когда сотни иностранцев занимаются преподаванием, ни формы, ни содержание которого в точности не известны властям,

⁶⁰ Там же. Л. 19об.

⁶¹ Близкие мысли высказывает в своей переписке другой французский гувернер, Жак Демишель (Démichel), друг Ж. Ромма. См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 187–200об.

⁶² Об этих понятиях см.: *Moras J.* Ursprung und Entwicklung des Begriffs der Zivilisation in Frankreich (1756-1830), Hamburg, 1930; *Febvre L.* Civilisation – Le mot et l'idée. P., 1930.; *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation, I, Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes, Frankfurt, 1969 (фр. пер. La civilisation des mœurs, P., 1973); *Béneton Ph.* Histoire des mots: culture et civilisation, P., 1975; *Starobinski J.* Le remède dans le mal – Critique et légitimation de l'artifice à l'âge des Lumières. P., 1989; *Fisch J.* «Zivilisation, Kultur» // *Geschichtliche Grundbegriffe – Historisches Lexikon*, Stuttgart, 1992. Т. 7; Binoche B. (dir.), *Les Équivoques de la civilisation*. Seyssel, 2005

⁶³ ОР РГБ. Ф. 64 (Вяземы). Карг. 105. Ед. хр. 83. Л. 9об.

⁶⁴ Там же. Л. 10об.

не могла удовлетворить правительство. Конечно, одной из причин указа 1757 г. были именно эти соображения. В XVIII в. предпринималось несколько попыток поставить под контроль частные школы, содержащиеся иностранцами: были и комиссии, которые инспектировали пансионы, была и попытка учреждения получастного-полугосударственного пансиона. Помещение для такого пансиона, который содержал француз Карбоне (Carbonet), было предоставлено правительством, и несколько учеников содержалось на деньги Кабинета Ее Величества. Идеологическое влияние правительства на воспитание в этой школе проявлялось, в частности, в организации торжественных событий: дети произносили речи, в которых восхваляли Петра Великого и царствующую государыню, дети иностранцев благодарили Россию за то, что она приняла их, и т.д. Эти торжества были надлежащим образом оформлены, на них присутствовали чиновники из ближайшего окружения императрицы⁶⁵.

Известно и какой критике подвергся один из наиболее ярких педагогов-французов того времени, содержащий в конце века частную школу в Петербурге, аббат Николь. Суть критики, отголоски которой мы видим, например, в переписке И.В. Сабанеева с М.С. Воронцовым, состояла в том, что, как бы талантлив ни был этот преподаватель, он не может внушить русскому дворянину любовь к родине и помочь понять ее интересы в разных областях⁶⁶.

Контроль над частным образованием был, конечно, затруднен, в особенности если речь шла о домашнем воспитании – проводить исследования и узнавать, чем же занимались гувернеры в семьях, все-таки никому не приходило в голову. Но попытка профессионального объединения гувернеров была жестко пресечена. В 1795 г., имея просторный дом, один из французских гувернеров в Москве, Ноэль (Noël), чей сын был тоже гувернером, задумал основать что-то вроде общества взаимопомощи для безработных учителей. 14 московских гувернеров, почти все французы, поставили свои подписи под прошением разрешить работу этого общества. Целью было помочь оказавшимся в трудной ситуации коллегам, создать доступную для всех гувернеров библиотеку и т.д. Дело, казалось бы, благородное; к тому же члены общества хорошо знали директора народных училищ в Москве А.П. Курбатова и надеялись, что с его поддержкой эта инициатива будет принята вла-

⁶⁵ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 67. Я благодарю В. Береловича за помощь в приобретении копии этих документов.

⁶⁶ См. Архив князя Воронцова. Т. 39. 1893. С. 461–462. Благодарю Д. Гузевича, указавшего мне на эту цитату.

стями. Однако граф А.Н. Самойлов, генерал-прокурор, решил, что за этой инициативой могут прятаться какие-то другие намерения (какие именно, правда, не уточнил). В результате Екатерина постановила запретить основание подобных «бесполезных обществ и организаций», а гувернерам пригрозили выдворением из империи, если они будут пытаться реализовать такую идею⁶⁷. Это было время Французской революции, и гувернеры, как неподконтрольные государству элементы, имевшие прямое влияние на умы подрастающего поколения русских дворян, первыми подпадали под подозрение.

Позже, в особенности в царствование Николая I, когда доктрина «официальной народности» и недоверие к Западной Европе, распространявшей «революционную заразу», отразятся и на государственной политике, в области образования все же удастся ужесточить контроль за иностранными гувернерами в России.

---

⁶⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2858.